

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 101.2

СМЫСЛ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Обсуждался круг вопросов, касающихся роли философии в формировании мировоззрения студента, актуальности философствования и возможностей влияния философии на формирование смысложизненной позиции человека в обществе. Участники согласованно отметили очевидную проблематичность донесения гуманитарных знаний, формирование общечеловеческих ценностей у студентов и школьников в свете реформы образования в России в целом и, в частности, возможностей формирования философских курсов в вузе.

Выступали: Г.А. Антипов, О.А. Донских, В.И. Кузин, К.М. Курленя, В.В. Крюков, Н.И. Макарова, Л.А. Осьмук, М.Б. Софиенко, В.И. Супрун, Л.Л. Штуден.

Комментарии прислали: Д.В. Винник, М.Ю. Немцев, Т.А. Рубанцова, Н.М. Сидорова, В.В. Чешев.

Ключевые слова: философия, образовательный философский дискурс, преподавание философии, марксизм, марксизм-ленинизм, смысложизненная позиция.

11 января в Государственной Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол журнала «Идеи и идеалы» на тему: «Смысл преподавания философии в университете».

Олег Альбертович. Донских. Тему сегодняшнего семинара предложил Георгий Александрович Антипов.

Смысл преподавания философии в университете

Смысл существования философии в нашем современном университете не очевиден. Возможный ответ: работает исключительно традиция. Однако остается неясным – на что она работает. Неясно также, можно ли то, что фигурирует в учебных программах под именем «философия», воспринимать в качестве таковой. Когда ФГОС прямо требует от выпускника знания законов развития природы, общества, мышления и умения применять эти знания в профессиональной деятельности (в программах – компетенция философии), можно лишь, по А. Платонову, «впасть в задумчивость посреди всеобщего темна труда».

На реально существующем в высших учебных заведениях философском дискурсе во множестве проявляются «стигматы» марксистско-ленинской философии. II дело не в кадрах, «которые решают все», хотя и в них тоже. Дело, главным образом, в том, что не было отказа от этого наследства. Как, впрочем, и от других несправедливо нажитых наследств. Марксизм-ленинизм до сих пор не получил адекватной идентификации. Но, по Конфуцию, «благородный муж, давая имена, должен произносить их правильно, а то, что произносит, правильно осуществлять».

Образовательный философский дискурс не может полноценно существовать вне коммуникации с большим общественным философским дискурсом. Более того, история культуры показывает, что именно первый становился порождающей структурой для второго, который, в свою очередь, инициировал подчас значительные социокультурные трансформации.

Внятно и конструктивно ответить на поставленный вопрос о смысле преподавания философии в университете можно только, определившись со всеми указанными обстоятельствами, исходя из ясных дефиниций по каждому из этих поводов. В конце концов, это и позволит превратить преподавание философии в органон адаптации специалиста к его профессии, а личности профессионала – к жизни. Таковым представляется его подлинный смысл.

Собственно, он выступил здесь пионером и представил текст для обсуждения, за что я ему благодарен. Я думаю, что тема крайне актуальна, и не только для тех, кто преподает философию, хотя для них, я думаю, это имеет особое значение. Потому что это выход на проблему роли философии в нашем обществе. Прошу Георгия Александровича начать нашу дискуссию.

Георгий Александрович Антипов. Я дам просто несколько пояснений к этим тезисам, некоторое расширение, потому что основное, что я хотел сказать, там представлено.

Когда мы обсуждали с Олегом Альбертовичем тему нашего круглого стола, я предлагал назвать его так: «Спасите рядового философа» – по аналогии с известным фильмом Спилберга «Спасти рядового Райана». Но потом, и совершенно правильно, мы отказались от столь гламурного названия, оно явно увело бы в сторону, и назвали так, как мы назвали. Я думаю, это вполне адекватное название, выражающее основную интенцию. Но, в принципе, речь должна, конечно, идти о спасении философии как в плане преподавания в высших учебных заведениях, университетах, так и в нашем общекультурном дискурсе. Непонятно, не пройдена ли уже точка невозврата и не имеем ли уже дело с организмом, ко-

торый находится в коматозном состоянии более, чем 6 минут, что означает уже сами понимаете что.

И я бы сказал, что смысл преподавания философии в университете действительно непонятен. В чем он заключается? А утрата смысложизненной ориентации и у человека, и у некоторой культурной подсистемы – это основная причина суицида или вырождения. Как говорил Бердяев, положение философа вообще поистине трагично. Его почти никто не любит. И он почти никому не нужен. Даже университет приютил философа при том условии, чтобы он поменьше обнаруживал свою философию. И тут несколько причин. В кругу наук философия – гадкий утенок. Она ведь не наука в том смысле, в каком это гордое звание носят физика, генетика, социология и т. п. Образование, по сути, догматично, философия, по сути, антидогматична. Ее девиз – подвергай все сомнению. Трагизм положения философии поэтому еще и в том, что самому социуму не нужно большое количество «усомнившихся макаров». Даже самому демократическому. Сократа присудил к цикуте вполне открытый демократический суд.

Мы были с Олегом Альбертовичем на последнем философском конгрессе. Бросалась в глаза картина всеобщего абсурда, бросалась в глаза во всем, лезла из всех щелей. Чем должен быть философский конгресс? Собранием действующих философов. Таковых в России, может быть, наберется несколько десятков. А собирают несколько сотен, кого попало. И эти «конгрессмены» видят смысл присутствия исключительно в том, чтобы какую-то абракадабру провещать, непонятно кому и за чем адресованную. А вот этот-то контингент и сеет в наших университетах, так ска-

зять, философское вечное. Вот еще где бесконечный тупик.

Я приводил пример относительно федерального стандарта, где сказано, что задача философии, смысл философии в том, чтобы вооружить выпускника знанием законов природы, общества и мышления. Это полный idiotизм, с моей точки зрения, но спрашивается, откуда уши растут этого idiotизма? Очевидно, из марксизма-ленинизма, в учебниках которого всегда фигурировало такое определение, что философия – это наука о наиболее общих законах природы общества и мышления. Поэтому я бы хотел сказать, что одна из задач в реанимации философии или в возрождении, это как угодно можно идентифицировать ситуацию, но понятно, что что-то делать надо, надо наше общее дело спасать. Так вот, первая акция, не по счету конечно, а по важности, это, вообще говоря, разборка с марксизмом-ленинизмом. До сих пор, в общем-то, не понят этот феномен. Как мне представляется, марксизм-ленинизм – это квазирелигиозное учение, квазирелигиозная система. Как всякая такой ориентации система – совокупность догматики. Ну и марксизм-ленинизм выполнял функции религии, при квазитеократическом советском государстве служил средством обоснования коммунистической догматики, ее расшифровки, доведения ее до верующих людей, опираясь на некоторые предпосылки рационального мышления, которые у этих верующих людей имели место быть. В этом смысле марксизм-ленинизм повторил ту же историю, которая имела место в Средневековье с философией, когда философия трактовалась как служанка богословия, средневековые теология и философия неразделимы. Кстати, любопытный пример. Был такой философ, перекали-

фицировавшийся потом в психолога – М.Г. Ярошевский, психологам известный. Чем он прославился? В 1952 году в «Литературной газете» он опубликовал статью под характерным названием: «Кибернетика – служанка мракобесия». Эта статья должна была послужить началом марксистско-ленинского наступления на буржуазную науку кибернетику. Но благо там кое-кто умер вскоре после этого, и как-то не срослось, так же как с физикой, хотя с физикой немного по-другому. Не получилась акция, которая вполне получилась с биологией. Так что в данном случае даже на уровне некоторых брендов, некоторых словесных клише, некоторых стереотипов положение средневековой философии и положение марксистско-ленинской философии демонстрируют нам совершенную аналогию. Да и по количеству Галилеев и Бруно советская эпоха намного опередила средневековье. Поэтому, я думаю, ничего не получится с формированием адекватной ориентации преподавания философии в университете без того, что марксизм-ленинизм будет закопан довольно глубоко в землю, глубже двух метров, и в его могилу будет вбит осиновый кол. Без этого дело не пойдет, потому что всюду до сих пор он во всех учебниках, во всех программах лезет, так или иначе проявляется, а это конечно смерть философии. Вот смерть истории отменяется, Фукуяма правильно признал свои ошибки и покаялся, но продолжение существования марксистско-ленинской традиции как чего-то реально существующего означает смерть философии в отдельно взятой стране. Кстати, «конец истории» – типичная идеологема, транзит мифа в сферу рациональности. Поэтому когда далеко не последние люди в стране говорят, что Мавзоль Ленина продолжает традиции миро-

вых религий, почитающих мощи святых, становится совершенно очевидным, какую философию они изучали в своих университетах.

Ну и, наконец, третий момент – это связь философии с общекультурным дискурсом, без учета которой преподавание философии в университетах будет стагнировать, в лучшем случае. Что я имею в виду. Как-то на днях случайно довелось поприсутствовать на двух представлениях. В «Музыкальной комедии» идет мюзикл «Дубровский», а в «Красном факеле» идет «Евгений Онегин». Но не опера, а драматический спектакль. Захватывающие спектакли, потрясающие! Ну многим потрясают, прежде всего тем, что Пушкина можно переводить совершенно спокойно на язык современных реалий, и это будет актуально. Поразительная вещь! Действительно гений, «наше все». Дело даже не в том, что спектакль начинается с такой сцены: кровать-матрац в глубине сцены, входит Онегин в трусах, ложится, накрывается простыней. Приходит дама, ложится под эту простынь и там начинается борьба, страстные стоны и т. п. Дама уходит, Онегин тоже. Потом сцена повторяется с другой дамой. Плейбой современный. Об этом можно спорить, но зал полный. С первого действия немного зрителей ушли – человек пятнадцать, таких упертых традиционалистов. Остальная публика сидела до конца. К чему я клоню? К тому, что народ, массы народные, передовые начинают искать ответы на экзистенциальные вопросы. Зачем они идут? Пушкин, «Евгений Онегин» – в школе с уроков сбегали. Сейчас – полный зал. Мюзикл – я понимаю: песни, танцы. Хотя и они явно выглядят там подчас как метафора «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». А тут, в спектакле, ни песен, ни танцев... Экзистенциальные вопро-

сы народ интересуют, начинают интересоваться. Начинают интересоваться, извините за выражение, проблемой смысла жизни. Не знают, где это найти, но ведь испокон веков философия как-то решала подобные вопросы. Во всяком случае, формулировала ответы. Поэтому если преподавание философии в университетах не будет ориентироваться на данную потребность, явно проявляющуюся сейчас, то тоже ничего хорошего не получится. Вот ведь и в одном известнейшем московском техническом университете учредили кафедру теологии. Какой хай поднялся среди особенно свободомыслящей публики! А почему, собственно? Может быть, дело в том, что философию там преподают сплошь участники последнего философского конгресса? Настоящий философ К. Ясперс ведь находил возможным говорить о «философской вере». Еще раньше об этом толковал наш Бердяев.

Перейдем к прозе учебной аудитории. Как строить философский курс.

Во-первых, это должен быть годовой курс как минимум. Во-вторых, он должен содержать следующие части: историко-философское введение, достаточно квалифицированное; философию науки; философию антропологию. Курс, во всяком случае часть курса, ориентирован на экзистенциальную проблематику. Не общество, там, формации – это не нужно никому. Ну и, наконец, надо какие-то специальные курсы вводить, связанные с профессией: например, философия физики, философия политики – в соответствии со специальностью.

Но и это не главное. Что на выходе из аудитории? Кант говорил, что философия служит не органом для расширения знания, а дисциплиной для определения границ, вместо того чтобы открывать истину.

У нее скромная заслуга: она предохраняет от заблуждения. Я с Кантом в основном согласен. Но как этому научить?

Спасибо.

Донских. Вопросы?

У меня два вопроса. Я бы сказал, что у нас было «патолого-анатомическое» выпупление. Первый вопрос относится собственно к марксизму. Что должны мы похоронить, не очевидно. Ведь на Западе довольно много марксистов. И я понял такую вещь: пока есть капитализм, марксизм будет существовать и никуда он не денется. В этом смысле поскольку мы куда-то забежали дальше капитализма, а потом к нему вернулись, то поневоле вернулись и к марксизму.

Вопрос второй. Должны ли мы различать идеологию и философию? То, что называлось диалогом и истматом – это, конечно, крошка. Понятно, что там были собраны какие-то идеи и концепции из французского материализма, из Бенгата и т. д.

Антипов. Понял вопросы. Первое, то, что марксизм-ленинизм стал идеологией – это безусловно. А что такое идеология? Это рациональное обоснование ценностей. Это некоторое убудочное образование между религией и наукой. Идеология – это, в общем-то, псевдорелигия, которой и стал марксизм-ленинизм. Поэтому марксизм и марксизм-ленинизм – это две очень большие разницы. Возьмите знаменитый пример из «Государства и революции» об отмирании государства. «Каждую кухарку научим управлять государством». Научили. Шутка юмора. У Маркса вся революционная проблематика и вообще анализ капитализма проводится в плане естественно-исторической онтологии. Революция – это повивальная бабка истории, она призвана облегчить родовые муки старого общества, беременного новым. В философии за спи-

ной Маркса всюду стоит Гегель. А возьмите философские экзерсисы Владимира Ильича, там всюду выглядывает фейс упомянутых недобрым словом Олегом Альбертовичем французских материалистов.

А Ленин? Ленин технократ, Ленин движется в техноморфной онтологии: переломаем к черту, опираясь на тотальное насилие, этот глупый мир. И кому какое дело, куда щепки полетят! Расстреляйте как можно больше попов. Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны. Вот она, оговорка по Фрейду. Власть! Власть! Власть! Во, и боле ничего!

Донских. То есть похороним марксизм-ленинизм, не марксизм?

Антипов. Не марксизм, точнее, не Маркса. Вспомните, ведь сам бородатый зонт, «бич капитализма», отказывался считать себя марксистом. Да, это первый вопрос. И второй вопрос собственно про Маркса. Конечно, на Западе обращаются к Марксу, в этом ничего удивительного нет, потому что более острой критики капитализма философия политической экономики на Западе не породила. Привлекает виртуозный критический запал. Хотя в плане объективной аналитики капитализма многие ушли дальше Маркса. Например, я бы Шумпетера назвал. Но на кой тут зануда Шумпетер, если ярость вскипает благородная. Не в лад. Маркс здесь как символ, как знамя, «веселый Роджер». Да, скупают «Капитал» в очередь. Но кто-нибудь еще и читает его? Это как футболки с Че Геварой. Носители их вовсе ведь не собираются бунтовать Южную Америку.

Владимир Иванович Супрун. Тогда еще Маркузе, он дальше и Шумпетера, и Маркса.

Антипов. Нет, Маркузе вряд ли, но это вопрос уже, так сказать, деталей. Но на са-

мом деле в современном социальном дискурсе на Западе конечно капитализм подвергнут более продвинутому анализу, в разных отношениях, чем это мы находим у Маркса. Но в марксизме явно есть аспекты, которые вошли и в историю науки. Поэтому его и цитируют. Конечно, есть у Маркса определенные достижения, которые отбросить невозможно. Там, где Маркс реализует свою установку на научный анализ общества, он четко сформулировал определенные базисные основания этого анализа. Свою задачу он видел в том, чтобы открыть закон движения современного общества. В этом Маркс – ученый, социальный физик. Правда, впал потом в иллюзию открытия данного закона. Но простим ему, не признался в этом. А Поппер показал, что даже если законы истории и существуют, эксплицировать из невозможно. И Поппера пока никто не опроверг.

Антипов. Владимир Иванович, а что Вы имеете против материализма?

Супрун. Я думаю все-таки отойти от обсуждения темы марксизма-ленинизма по нескольким причинам. Ведь если проводить такой анализ относительно преподавания философии, то нужно сместиться от обсуждения его идеологической «оси», потому что очевидно, что сейчас эта идеология не присутствует ни в преподавании, ни в мозгах слушателей. Стоило бы поговорить о марксизме-ленинизме как материализме, т. е. философском направлении. Но еще больший интерес вызывает вопрос: а как обстоит дело с философией в современном мире вообще? И в преподавании философии в западных университетах, даже в западных специализированных университетах. И это вопрос достаточно интересный, так как часто мы берем преподавание в западных университетах за паттерн.

На него интересно отвечает, мне кажется, И. Валлерстайн в своей работе «Социальные науки в XXI веке». Не знаю, переведена она на русский язык или нет. И там ставится вопрос и о философии: какое же место должна занимать философия в университетских курсах? Интересно, что те, кто преподавал философию в позднесоветский период, были не только марксисты-ленинцы, но и представители так называемой псевдозападной школы. Те, кто прочел разные переводы, некоторые работы позитивистов или представителей аналитической философии, и сейчас утверждают, что преподавание философии в российских вузах должно носить чисто инструментальный характер. На самом деле, смыкание происходит по двум осям. Не только вот эти как бы наследники марксистско-ленинской философии или идеологии представлены в преподавательском корпусе, но и последователи той позитивистской философии – к ним тоже может быть обращен вопрос о месте философии в современном университетском дискурсе. Кстати, дискуссии о роли философии как предмета идут и на Западе, просто там больше разных школ и направлений: от постмодернистов до неомарксистов. При этом намечается интересная тенденция – философизация современной экономической науки. Одна из последних работ в этом направлении, которую стоит упомянуть как показательную, хотя автор не известен в философских кругах, он популярен как влиятельный аналитик, – это Гэри Хэмел. Его последняя книга «Проблемы инноваций» посвящена экономике. Но начинается он свой труд с проблемы ценностей. И совершенно очевидно, что вот эта проблема ценностей – ценностей культуры, ценности человеческой жизни, смысла человеческой жизни, – на ней должен де-

латься упор и в преподавании философии. Нужно отказаться от идеологии обслуживания, понимания философии как сферы обслуживания идеологии или специальных наук. Философия не должна обслуживать преподавание, например, сантехники, сопромата или еще чего-то. Она не должна быть слугой двух господ: идеологии или какой-то конкретной специальности. Если философия будет продолжать это делать, а философы будут продолжать уничтожаться: купите нас, купите, мы такие хорошие, мы вам можем все обосновать! – речь будет идти только об экспонатах в анатомическом театре. И для того, чтобы все это реанимировать, нужно прийти и как в римском Сенате сказать: *vivos vobis!* – зываю к живым! Те, кто может, встаньте и говорите о таких насущных вещах, что есть человек, что есть общество, что есть культура, куда она идет, какое будущее нас ждет и каковым оно может или должно стать. Пускай не календари майя читают и не астрологические прогнозы, а *что есть будущее*, что ждет человеческое общество и человеческое существо. Если философ это будет делать, он будет востребован. А всякая прикладная характеристика действия закона единства и борьбы противоположностей – это глупость. Не принесет успеха преподавание в конкретном вузе, как ни странно, и преподавание истории философии. Она должна иметь место. Конечно, это великолепные вещи – Платон, Аристотель. Но через них нужно выходить на современность, на обсуждение актуальных проблем. Тогда философ будет востребован, так как он будет говорить о том, о чем не говорят другие, что хотят услышать те, кто имеет уши.

В заключение я хотел бы высказать еще два тезиса. Во-первых, современное философское образование должно базироваться

на кросскультурном анализе. То есть современный философ не должен рассказывать про город Новосибирск и пытаться «привязать» его только к местным или даже российским условиям. Он должен выходить на глобальную проблематику, но это, конечно, требует определенного уровня междисциплинарных знаний. Современный философ должен ориентироваться в межкультурном пространстве и времени, не записываться от стремительно меняющегося мира в чулане собственных парадигм.

Второе, что востребовано, это уже упомянутый выше междисциплинарный подход. Современный философ должен разбираться хотя бы в началах экономики, нужно понимание общих основ науки и общих принципов и положений социальных дисциплин. Это экономика, политология, социология, потому что, например, тема власти остается по-прежнему актуальной. Что есть власть? Какова философия власти, в чем ее смысл? И вот эти подходы, кросскультурные, междисциплинарные, ценностные, сделают философию востребованной, потому что по-прежнему люди находятся в ситуации неопределенности. Современный мир, в том числе и Россия, находится в состоянии неопределенности. Что дальше, какова стратегия? Что выбрать, куда идти, с кем, как? И тут ни при чем марксистско-ленинская философия. Потому что как таковая она уже практически умерла. С постепенной смертностью носителей этой идеологии она просто естественно уходит. Но опасность представляет сайентизм, о чем еще писал, в частности, Герцен. Сайентизм, или прикладная философия, именно из «сферы услуг». Если философия будет низведена до этой фазы, ей конец. И ее, конечно, тогда нужно будет убирать из университетских курсов. Поэтому, резюмируя свое выступление, я думаю, нам

было бы интересно вернуться к этой теме не только в рамках преподавания философии в вузе, но относительно того, что такое философия в современном мире, какова ее роль и место среди других социальных наук. Это представляет, с моей точки зрения, большой интерес и актуальность.

Антипов. Владимир Иванович, а что Вы имеете против материализма?

Супрун. Я думаю, материализм, трактуемый как «прикладное» идеологизированное учение, к философии имеет мало отношения. Я не знаю ни одного по-настоящему яркого представителя материализма, может быть, кроме Томаса Гоббса. Вульгарный материализм – это одна из химер, которая существует в мозгах сайентистски настроенного специалиста, в этом смысле сопряжен с вульгарным прагматизмом, который ставит материальный успех превыше всего. Материалистическая тенденция присутствует в современном мире везде, прежде всего в Соединенных Штатах, где символы успеха, как правило, весьма материальны.

В то же время материалистический подход бесспорно важен для представителей экономических дисциплин. Но для философа, если он пойдет в этом направлении, – это осиноый кол.

Антипов. Нет, философ, конечно, не может быть материалистом. Но материализм – это мировоззренческая установка всякой науки! Ученый не может не быть материалистом. Это не химера, ученый обязывается своей профессией воспринимать научную теорию как производное объективного, первичного к ней материального мира. А ведь известно: ничего нет практичнее хорошей теории. Но для философа эта теория – представитель идеального мира, Третьего, как его называл К. Поппер.

Супрун. Конечно. Но есть просто ученые, а есть ученые высшего разряда. Когда такой ученый доходит до определенного уровня, он понимает, что абсолютную истину в пробирке или в эксперименте он получить не может. Например, Эйнштейн, Бор и другие великие умы это понимали.

Виктор Васильевич Крюков. Я не буду ввязываться в полемику, а вернусь к повестке нашего круглого стола. Во-первых, надо или не надо преподавать философию в вузах. Я могу судить по отношению к философии студентов разных направлений подготовки. Самое удивительное, что гораздо лучше к философии относятся технари в техническом университете, нежели экономисты и тем более гуманитарии. Как это ни странно. Студенты просто забрасывают записками и кафедру, и деканаты и требуют: мало философии, нам очень интересно, мы хотим еще. Почему у нас философия всего один семестр?

Почему всего два часа в неделю? Они возмущаются: этого слишком мало.

Интерес только возрастает, когда они переходят из бакалавриата в магистратуру, и это острое любопытство в отношении чисто философских проблем заметно усиливается. Я уже не говорю, что в аспирантуре это не просто заметно, а бросается в глаза. Они с удовольствием ходят на лекции, занимаются сами, с удовольствием читают. И они пишут – что самое любопытное. С точки зрения студентов, для них это актуальные вещи, потому что все остальное как раз имеет инструментальный характер. Единственная дисциплина, которая избегает инструментализма и не скатывается на уровень образовательных услуг, так это философия. Уже и политология там сидит; уже и история, к сожалению, там сидит.

лит. Философия пока еще сохраняет свой статус. Это с точки зрения студентов.

С точки зрения преподавателей, я понимаю, что сохранились, как Владимир Иванович выразился, монстры: есть у нас еще упертые личности, но это люди в весьма преклонном возрасте, которых перевоспитывать бесполезно. Ничего с этим не сделаешь, и остается рассчитывать на естественный процесс смены поколений. Но вообще сам процесс преподавания исключительно плодотворен для нас самих, для философов. Я об этом могу судить и по себе, и по своим коллегам – ровесникам и молодым преподавателям, нашим же ученикам, которые прошли у нас аспирантуру. Сам процесс преподавания позволяет, во-первых, глубже проникнуть в философскую проблематику, потому что когда начинаешь объяснять другим языком, нашим же – птичьим, грешащим многочисленными терминами из древних языков, – вот этим уже ничего не объяснишь. Современному студенту вся эта латынь и тем более древнегреческий ни о чем не говорят, сколько бы мы не переводили с древних языков на современные. Они, как писали в бессмертном романе у Ильфа и Петрова, «гимназиев не кончали». И древнегреческий, и латынь для них языки не просто мертвые, они несуществующие. Чтобы объяснять это нормальным языком студенту, нужно самому постигнуть суть проблемы, а не просто освоить терминологию и научиться чирикать на некотором сленге. И вот это стремление объяснить сложное как можно проще и понятнее – это весьма плодотворная пропедевтика. В этом процессе появляются идеи, которые мы можем сами запускать в работу и в нашем профессиональном сообществе эти идеи прокручивать, развивать и защищать.

В этом смысле я всегда говорил и могу приводить массу примеров, как различаются между собой вузовская философия и академическая философия. Я посмотрелся на то, как делаются дела в академических философских институтах, причем не только у нас в Новосибирске, где некоторое время работал, но и в Москве, и в Петербурге. Академическая наука – она совершенно другая и по форме, и по проблематике. Совершенно, я бы сказал, подход инструментальный, но уже в узкопрофессиональном смысле: написать диссертацию, защитить диссертацию, пробить статью в рецензируемом журнале – узкоцеховые проблемы. Мироззренческая проблематика там вообще никого не колышет в принципе. Занимаются чем угодно: или аналитической философией, то бишь математической логикой, или ударились в футурологию, а то и в религиозный мистицизм. Я был на всех философских конгрессах, кроме последнего, и заметил странную вещь. Когда в 90-е годы стали дружно хоронить марксизм, закапывая его ниже двух метров от линии горизонта, почему-то похороны марксизма не привели к какому-либо серьезному шагу вперед. Вместо этого затеяли культивировать все что угодно, но завезенное оттуда, из-за бугра. И вот пожалуйста, в Томском университете пышным цветом расцвели трансцендентализм, постмодернизм, герменевтика, которые уже давным-давно перестали даже модными быть. А постмодернизм в Европе вообще уже похоронили. У нас до сих пор играют в эти вещи. На философском факультете в Уральском университете увлеклись религиозной философией, начали студентам выдавать Махабхарату, Рамаяну. Ребята! Это XXI век, ну конец XX – это я про 90-е годы говорю.

Понимаете, когда забили осиновый кол в могилу марксизма, оказалось, что за душой, кроме марксизма, ничего нет. Пришлось тогда тащить побитые молью, потасканные идейки, как говорится, *made in* оттуда.

Теперь о том, что преподавать. Видите ли, Владимир Иванович, – оно, конечно, хорошее дело: давать смысложизненную проблематику, антропологию, политологию. Но, допустим, у нас технический университет. Подавляющее число студентов все-таки технари. Поэтому для них более актуальны философия природы, философия техники, философия науки. Особенно для магистрантов и аспирантов. Философия науки – это, простите, кандидатский экзамен. Поэтому не надо говорить: вот давайте к человеку все сведем. Здесь должен быть дифференцированный подход, который предполагает, вообще говоря, целостное мировоззрение, в котором бы присутствовали и естественные формы существования, и искусственные формы культуры. И нашлось бы там место человеку и даже, извините, Богу нашлось бы, причем с материалистических позиций, если угодно.

И закончу я, с вашего позволения, небольшой рекламой. Мне претит, когда борьба с марксизмом приводит к однозным формам. Когда в большинстве современных учебников, которые выходили за последние лет десять, вообще отсутствует понятие материи. Потому как никто не знает, что это такое, если не брать ленинское определение. Извините, тысячи лет философия употребляла категорию материи как одно из оснований онтологии, а сейчас стыдятся упоминать о ней из чисто политиканских соображений, что есть низкопоклонство перед либерализмом. Это совершенно непродуктивное дело. Поэтому если мы хотим избавляться от

марксизма-ленинизма, который есть сталинизм из четвертой главы краткого очерка истории ВКП(б), то надо не отбрасывать все чохом и не забивать осиновый кол в замершее сердце, а надо двигаться тем трендом, в том направлении, которое было заложено классикой.

Марксизм – безусловно классическая философская теория, но второй половины XIX века. Там ему и место. И не надо трясти марксизмом сейчас, спустя 165 лет после его появления. Я еще в середине 90-х годов выступал с концепцией своей диссертации на докторантском семинаре в Уральском университете, в своей *alma mater*, перед своими же преподавателями! Так вот у меня ехидно спрашивает некий будущий продвинутый соискатель: «Так Вы что, Виктор Васильевич, марксист?». Я ему: «Ну да, я – марксист. Но я в такой же степени и гегельянец, и фейербахианец, и платоник, и аристотелик, и кантианец, если на то пошло». А вообще, с какого разбега мужчина должен любить за всю свою жизнь одну-единственную женщину, а философ – одного-единственного Маркса?

Ни одно имя в истории философии не осталось по пустяковому поводу. Все, кто остался в истории философии, внесли значительный вклад в развитие мировоззрения. Вообще. В целом. И Маркс – тоже. Поэтому Маркса хоронить – совершенно бесполезное занятие. Первая материалистическая концепция социума, теория исторического процесса – это Маркс, и из песни слова не выкинешь.

Ну и собственно реклама. Сейчас в издательстве прошел редактирование мой учебник, без коллектива авторов. Учебник в ближайшее время появится, на сайте кафедры он уже выставлен. Вот там есть все. И материя, и бытие, и ценности, и че-

ловек – и никакого марксизма-ленинизма. Хотя и с его трендом.

Супрун. У меня два вопроса. Первый вопрос такой: Вы считаете, в отличие от многих исследователей, аналитиков, комментаторов, что марксизм – это философия?

Крюков. Есть философия марксизма, наряду с экономической теорией марксизма, или политэкономией марксизма; наряду с политической теорией марксизма, то бишь научным коммунизмом. Но вот диалектика, истмат – это философия марксизма. Ведь философия марксизма есть диалектический материализм.

Супрун. Так в учебниках пишут.

Крюков. Тогда я отвечу коротко. Материализм, как философское направление, вовсе еще не исчерпал себя, даже своих эвристических возможностей. А уж диалектический метод и подавно, поскольку диалектика – это не «темная гегельянщина». Диалектическое мышление применяется в самых разных областях науки, в том числе в физике, в математике, в биологии.

Супрун. Понятно. Теперь второй вопрос. Почему Вы считаете, что философия должна ориентироваться на изложение каких-либо -измов, а не на определенную проблематику и на несколько конкретных современных методологических подходов. В частности, кросскультурный, междисциплинарный. Вот эти подходы являются важными. Там, конечно, будет и диалектический подход. В чем проблема? Почему я должен обязательно излагать предмет в рамках парадигмы марксизма или в рамках парадигмы позитивизма?

Крюков. А я Вам и не предлагал оставаться в какой-либо парадигме, потому что если Вы будете на что-нибудь ориентироваться, то в лучшем случае Вас будут назы-

вать эпигоном какого-нибудь -изма. Придумайте свой -изм, и тогда Вы останетесь в истории философии.

Константин Михайлович Курленя. У меня возникло всего несколько разрозненных суждений – я не философ, а потому моя аргументация в этой дискуссии вряд ли будет слишком развернутой. Тем не менее хочу обратить внимание на общий для предыдущих высказываний мотив абсурда, маразма, идиотизма – термины с различной степенью эмоциональной окраски использовали практически все участники дискуссии. И в связи с этим хотелось бы сказать, что мотив абсурда, вырождения – отнюдь не только сугубо отечественный, не доморощенный. Он в равной степени присущ всей современной цивилизации, что свидетельствует о всепроникающей деградации экзистенциальной проблематики в современной культуре. Когда проблема смысла нашего бытия лишается философского рассмотрения, переходит на уровень быденного сознания, она действительно соскальзывает к абсурду. И Ваши примеры, которые Вы приводили из области искусства, как раз очень показательны. Когда в художественной элите формируется непоколебимая убежденность, что хоть Платона, хоть Пушкина можно прочесть как угодно, это означает, что его вообще читать не надо. Здесь любой текст, созданный предшественниками, годится лишь в качестве повода, чтобы интерпретатор смог самоудостовериться в своеобразии его личной индивидуальности через поистине варварское соприкосновение с «чужим словом» и «чужим замыслом». Причем хотя бы минимальное освоение интерпретатором этого «чужого замысла» через сопереживание и стремление проникнуть в суть не происходит. На это у сегодняшнего интерпретатора

зачастую не достает ни желания, ни умения. Получается, что когда современный интеллект смотрит в пушкинский текст, он вкладывает в личную рефлексию по этому поводу возможности своего и только лишь своего ума или остроумия, или недоумия, понимайте как хотите, вкладывая, в свою очередь, собственные мыслительные возможности. Однако при этом нет и не возникает никаких обобщений, никакого приращения смысла – каждый «вложился» через личную рефлексию ровно настолько, насколько он способен, и все. Коммуникативной ситуации вокруг интерпретируемого произведения искусства в данном случае вовсе не складывается, да и все эти частные произвольные рефлексии к аутентичному материалу не имеют никакого отношения. Онегин ли, Ленский ли в трусах, расхаживающий по сцене, – это такой же абсурд, как попытка как-то особо разобраться с марксизмом. Это действительно некое экзистенциальное слабоумие.

Философ, преподающий свою науку, может ставить перед студентами самые разные задачи. Но я полагаю, что сегодня самой гуманистической и самой гражданской задачей будет стремление оснастить студентов хотя бы основными инструментами философского отношения к действительности и к их личным жизненным, точнее, экзистенциальным ситуациям. Самосознание студента должно эффективно совершенствоваться в своей самоидентификации, а не вслепую продираться через абсурд современной социальной реальности, быта, неустроенных личных отношений, непонимания своего места в жизни. Но для этого было бы полезно знать и понимать хотя бы основные философские сюжеты, многократно воплощенные в культуре. Вот это я и называю философ-

ским оснащением современного человека. Это, конечно, минимум, но ведь многие и им не располагают, пройдя в вузе курс философии. Человек в ходе обучения должен хоть как-то примерять на себя упомянутые концепции и выбрать что-то, что ему представляется истинным и нравственным – что-то экзистенциальное или что-то материалистическое, в зависимости от склонностей и личного разума. Философия в этом смысле выполняет общечеловеческую скрепляющую функцию, она дает некоторые ключи к пониманию мира в том ли, ином ли аспекте. Таким образом, философ должен побуждать своих учеников к выбору жизненной позиции.

Еще один момент сугубо практического свойства. Я, как и многие из моих коллег, всемерно разделяю обеспокоенность в связи с тем, что современная российская государственная политика в области образования стремится проблемы преподавания философии в университете решить самым что ни на есть радикальным способом. То есть попросту исключить философию из числа изучаемых научных дисциплин. Не мне одному понятно, что преподавание всей мировой философии в рамках одного семестра – еще одно проявление экзистенциального абсурда – уж лучше тогда философию вообще не преподавать, тогда ее хотя бы будет невозможно дискредитировать. Чему можно научить в области философии среднестатистического студента, проходящего в вуз вовсе не из элитной столичной общеобразовательной школы, всего лишь за полгода? Чаще всего удается привить стойкое раздражение по поводу впустую потраченного времени на абсолютно бесполезную дисциплину. То есть за эти полгода ни вкуса к философскому осмыслению реальности, ни даже основных по-

нятий и принципов философского мышления у студента развить не удастся. Этого времени смехотворно мало, если, повторяю, не забывать о качестве человеческого материала, с которым приходится иметь дело преподавателю философии. То есть речь сейчас не о личности философа – это может быть и гениальный педагог, и вульгарный начетчик – ни тот ни другой за 16 учебных недель по одному двухчасовому занятию ничего не добьется, если принять во внимание, на кого направлены их педагогические усилия. Мне кажется, что курсы философии должны иметь гораздо более весомое значение в образовании современного человека, какую бы специальность он ни получал.

Теперь еще одна мысль, связанная с желанием части современных российских философов «разобраться» с марксизмом. Мне кажется, что в нынешних российских условиях даже самая уничтожающая критика марксизма, который и сам-то уже стал порядком подзабытой историей и современному человеку известен совсем не в тех подробностях, что нам, будет совершенно бесплодной. Такая критика – сродни вымещению собственных, личных, а вовсе не общечеловеческих претензий к марксизму. Это желание опасно и заразно, оно напоминает, как сами марксисты-ленинцы в свое время «разобрались» с кафедрами византологии в царских университетах. Кто-нибудь помнит о том, что практически во всех университетах царской России существовали кафедры византологии? Практически никто не помнит, потому что «разобрались» марксисты-ленинцы с ними очень радикально и качественно. Иные из профессоров расстреляны, иные – на «философском пароходе» и прочих видах философского транспорта изгнаны из страны. Кафедры, разумеется,

закрыты, дело их – предано забвению. Зачем возвращаться к этому варварству? И потом, призыв «разобраться» с марксизмом – это ведь не очищение традиций философии от скверны. Я бы сказал, это простое уничтожение исторической памяти. И сама мысль о разбирательстве, суде, мести марксизму исходит не из потребностей философии, она произрастает из идеологии, из политических мотивов. Ее вообще бы надо исключить из перечня тем сегодняшнего обсуждения.

Сегодня у нас есть гораздо более актуальные задачи, ведь действительность-то и вправду толкает современного человека к поискам экзистенциального смысла. Возьмите хотя бы мировоззрение поздней советской и постсоветской эпохи. Ведь было очень много умнейших и талантливейших людей, которые не считали марксизм единственно верным учением и ставили подлинно философские проблемы совершенно не в контексте марксистской догматики! Вот, скажем, лидеры позднего советского рок-движения. Из-под их пера выходили весьма глубокомысленные тексты, и как раз по поводу экзистенциальной проблематики. Другое дело, как там эта проблематика разрабатывалась, ведь у этих ярких и очень неравнодушных авторов не было почти никакого философского опыта и практически никаких инструментов философского анализа! И мне кажется, что в первую очередь философия должна помочь людям такого склада и таланта избежать тупиков сознания. Если хотя бы такую задачу смогли решить наши философы на современном этапе, это был бы уже большой шаг вперед.

Крюков. Добавлю две фразы. Дело в том, что подобная ситуация уже была в России, когда министр образования Уваров пробил запрет философии. Закры-

ли все философские кафедры, перестали преподавать философию в университетах. Причем Уваров вывел знаменитую формулу, что «польза от философии сомнительна, вред же очевиден». Разогнали, закрыли, а потом в течение нескольких десятилетий восстанавливали кадры.

Донских. Ну, известно, что у нас с биологией подобное происходило, только в других масштабах. Варианты есть. Известна фраза, что философия рождается на развалинах империи. Потому что теряется смысл. Империя давала смысл существования. Каждый римлянин знал, что он такое.

Крюков. Так же, как каждый советский человек твердо знал, что материя первична.

Донских. Он знал, потому что его так учили, потому что другое говорить опасно.

Пожалуйста, Лев Леонидович.

Лев Леонидович Штуден. Давайте все-таки вспомним о теме обсуждения, о проблемах преподавания философии. В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить Владимира Ивановича, он сказал 80 % того, что я хотел сказать. Я полностью на его стороне в том, что философия ни в коем случае не должна обслуживать никакие специальности. Во-вторых, надо поставить еще такой вопрос: КОМУ мы преподаем? Вот совсем недавний случай у меня на экзамене. Прошлой весной я наткнулся на студента, которого довольно долго вынужден был мучить детскими вопросами. Речь шла не о философии совсем: культуре, русской культуре XIX века. Спрашивал, помнит ли он наших известных романистов XIX века – ничего он не помнит, ладно. Вопросы шли по нисходящей: все проще, все элементарнее. Наконец, совсем уж краснея от стыда, я спрашиваю, кто написал роман в стихах «Евгений Онегин». Молчание. Выяснилось, что этот человек **не зна-**

ет имени Пушкина. Когда я убедился в этом, я понял, что мемориальная фаза нашего, по крайней мере, школьного образования уже наступила. Студент вуза не знает имени Пушкина! Я не говорю: стихи знать или, по крайней мере, названия произведений. *Имени* не знает! Совершенная *tabula rasa*. Теперь вопрос, вот *этому* человеку мы начнем преподавать философию. И что?

– И он не будет знать имени Платона (*реплика*).

Штуден. В каких условиях сейчас воспитывается наше юное поколение? Обратите внимание: перед их глазами не текст (они же практически ничего не читают), а картинки. Что это такое? Ведь это полная смена психологического основания обучения, познания. Когда у вас перед глазами сначала одна картинка, потом другая, а потом третья, вам для чего думать? Не надо, есть картинка. Вот эта смена психологической ориентации на непосредственное, причем моментальное впечатление, – это и есть тот самый процесс, который приводит к такому, сейчас уже широко известному феномену, как клиповое сознание. И что же с этим может сделать наше стремление преподавать философию? Это очень, я думаю, страшный вопрос, не говоря уж о том, что наше государство, Министерство образования, о ком бы мы ни говорили: Филиппов или Фурсенко – кто еще? – Ливанов, этот сановный хам, который недавно оскорбил всех вузовских преподавателей – не важно, кто персонально... Важна позиция. А позиция такая: превратить отечественную молодежь именно в узких технарей, которые обслуживают элементарные задачи: качать нефть, добывать газ. И все. Мухоловка-то, оказывается, совсем не заинтересована в том, чтобы муха из нее могла бы выбраться!.. Так общая тенденция закономерно

приводит к тому, что появляются студенты, которые не знают имени Пушкина.

И еще в одном совершенно прав Владимир Иванович. Преподавание философии надо начинать с нуля, с азов: что такое человек, смысл его жизни, каковы его ценности (именно ценности!), независимо от того, технарь он или не технарь, экономист, гуманитарий... Потому что никто, кроме хорошо вооруженного преподавателя философской дисциплины, не сумеет сконцентрировать его мысль на этом общем и главном. Именно – общем и главном. Вспомним, что философия родилась как проблема рефлексии предельных оснований бытия. Для всех, для каждого мыслящего человека! Извините, тогда при чем тут специально технари? Ни при чем абсолютно. Конечно им легче, если мы будем близки к их непосредственным задачам. Но зачем? Человек должен понять главное о себе, главное о мире, главное о будущем. Любой человек. Вот это и есть приоритетная задача.

Василий Иванович Кузин. Многие высказанные сегодня суждения Витгенштейн назвал бы в полной мере философскими – поскольку они очевидны и не дают повода для спора. Конечно, уровень подготовки абитуриентов – низкий; конечно, количество часов по философии – недостаточно; конечно, государственные образовательные стандарты – несовершенны; конечно, учебный курс философии – это, в первую очередь, проблемы человека, общества, ценностей, будущего и т. д., Но хотелось бы затронуть и несколько неочевидных вопросов.

Первое. Нам, преподавателям философии, бывает лестно думать, что именно философия образует базу культуры, которой должен овладеть каждый образованный, культурный, интеллигентный чело-

век. Понятно, что любое академическое образование что-то студентам дает. Однако в этом отношении у философии вряд ли есть приоритет перед историей, литературой, религией, наукой. Хорошо, если студенты знают главные философские сюжеты. Но было бы неплохо, если бы они знали хотя бы основные исторические сюжеты. Не говорим уже о литературных, музыкальных или, например, математических.

Второе. Судя по сегодняшним выступлениям, почти все присутствующие на круглом столе высоко ценят Маркса и высоко оценивают марксизм-ленинизм. Хотелось бы сказать несколько слов в пользу марксистско-ленинской философии. Чем был хорош марксизм-ленинизм (при всех его недостатках)? Тем, что это была *единственная* философия. Не единая, конечно, но единственная. Это позволяло излагать и изучать ее с большой степенью подробности. Вспомним, например, как на протяжении нескольких месяцев студенты «глодали» «Материализм и эмпириокритицизм».

Штуден. Ужасная работа.

Кузин. Работа, возможно, ужасная, но занятие – не бессмысленное. Наверное, лучше, как это делал Хайдеггер, изучать в течение семестра несколько страниц диалога Платона, чем названное сочинение В.И. Ленина. Но важен принцип и метод: подробность и тщательность изучения текстов представляются мне необходимым условием формирования философского мышления. И это практически невозможно сделать при «обзорном» преподавании философии в вузе.

Третье. Следующая мысль в этой связи. Даже если мы для себя решим, *что* преподавать (например, «человек, общество, ценности, будущее»), то остается нерешенным вопрос, *как* преподавать. Причем *как* – не в

узкометодическом смысле, а в содержательном, принципиальном, смысловом. Например, что мы расскажем студентам про будущее? Обзор основных футурологических концепций и/или одну – правильную, и/или одну – собственную? Далее. Расскажем ли мы студентам *отдельно* про человека, про ценности и про будущее? Или все эти (и другие) темы мы должны синтезировать в целостную картину, в целостное миропонимание? И тогда возникает вопрос о нашей собственной готовности к подобной работе. Фактически речь идет о том, способны ли мы преподавать модернистскую (целостную) философскую теорию в постмодернистской культурной ситуации? К слову, высказывание «я – марксист, но я также и кантианец, и гегельянец, и платоник» совершенно однозначно характеризует говорящего как последовательного постмодерниста, несмотря на все декларативные отречения от постмодернизма.

Когда требования ФГОС говорят нам, что студенты должны знать законы...

Антипов. Природы, общества, мышления!

Кузин. Совершенно верно! ... то, возможно, это – стигматы марксизма-ленинизма. (Хотя по смыслу, скорее, стигматы позитивизма.) Но возможно также, что это – тоска по целостной картине мира, по целостному мировоззрению.

Супрун. В то же время преподаватель философии действительно должен эти проблемы и принципы анализа пропустить через себя. И мы не можем сказать: вот этот мыслитель говорил вот это, а другой то, а вы, ребята, сами выберете. В конце концов, это не некий discount и не некий шопинг, где вы ходите и выбираете: вот это дешевле, подходит. Без всякого философского шопинга обойдемся.

И второе. Так как Вы начали с Витгенштейна, я бы хотел и закончить Витгенштейном, чье определение философии в наибольшей степени понравилось моим слушателям-аспирантам Академии (я читаю в СО РАН). Я предложил им разные определения философии, семь или восемь. Но, как ни странно, им больше всего понравился не Кант, а Витгенштейн, который, как известно, говорил: «Цель философии – показать выход мухи из мухоловки». Почему он им нравится? А потому что они себя ощущают попавшими в современную мухоловку. Современный контекст – это мухоловка. Они не знают, что делать. И если уж действительно кто им подскажет, как говорил Софокл: если не философ, то кто? . Кто может это сделать? Не историк, не технологи разного типа, а именно философ, размышляющий о смысле жизни, истине, будущем и так далее. Вот почему из десяти приведенных определений они выбирают определение Витгенштейна. Потому что они в мухоловке. Каждый год они пишут эссе, которое называется «О пользе и вреде философии». И они начинают комментировать Витгенштейна.

Кузин. Мне все-таки кажется, что когда Витгенштейн говорил про муху с мухоловкой, то он имел в виду не жизненную проблему человека.

Супрун. Ну, это *моя* интерпретация.

Кузин. Хорошо. Я хотел еще раз вернуться к проблеме значимости философии для формирования жизненных принципов, ценностей, приоритетов. Давайте подумаем, не обольщаемся мы насчет того, что именно философия дает людям жизненные ориентиры и дает людям образцы решения их жизненных проблем.

– Должна.

Кузин. Может быть, и должна. Но дает ли? Возможно, приписывание философии главной роли в этом вопросе – это наше профессиональное искажение реального положения дел. Мне кажется, не философия, а в основном искусство – кинематограф, литература, в меньшей степени театр – дают людям ответы на их вопросы. Причем не только в нашей стране и не только в последние десятилетия. На протяжении, по крайней мере, двух столетий ...

Донских. Начиная с Гомера.

Кузин. Не исключено, что и с Гомера. Не исключено также, что существовал «золотой век философии», когда философские идеи действительно были главным средством воспитания и определяли господствующую в обществе картину мира. Но это точно – не наш век.

Донских. Я могу дать комментарий по этому поводу. Есть замечательный документальный фильм Discovery о том, как устроена Вселенная, и там физик ссылается на «величайшего философа западного мира». И кто это такой? Вуди Аллен.

Кузин. И это не смешно, это правда.

Донских. Я как пример привожу. Он режиссер. Режиссер, актер и т. д. Я о чем: *влиятельнейшего*. Это звучит буквально: *the most influential philosopher of the Western world*.

Супрун. Если продолжить Вашу идею, последний журнал есть Foreign Affairs. И там есть такое: «100 Great Thinkers of the Year» («Сто великих мыслителей года»). Как они туда попали? Почему там находятся и политики, и бизнесмены? Они что, придумали новую концепцию человека или, на худой конец, мироздания?

Донских. На 16-м месте там Pussy Riot.

Супрун. Да, Pussy Riot среди мыслителей года... Это нечто. Поэтому к такого

рода я бы относился с большой осторожностью, как к паленой водке.

Мира Борисовна Софиенко. Я работаю в Аграрном университете и по совместительству в Медицинском, поэтому мне, конечно, постоянно приходится сравнивать эти вузы. Они очень отличаются составом студентов, их нацеленностью и, естественно, требованиями к преподавателю.

Напомню, что еще в античности в философии, прежде всего, видели искусство быть мудрым. На мой взгляд, мудрость состоит в умении видеть тайную суть вещей, найти то, что не лежит на поверхности, скрыто от глаз. При этом философия, что, собственно, сближает ее с наукой и в чем заключается ее принципиальное отличие от литературы, музыки, права, религии, учит выявить сущность вещей рациональным методом, т. е. через рефлекссию, через размышление.

Настоящий период в истории России можно определить как эпоху глобальной неопределенности. Если взглядеться, выясняется, что современный россиянин постоянно попадает в положение экзаменуемого. Он ежечасно на каждом шагу – на работе, сидя у компьютера, в магазине – сталкивается с какими-то неясными, новыми для него, необдуманными еще проблемами, и у него для них нет шаблонных готовых ответов. Между тем успешно выйти из сложного положения человек способен, лишь осознав для себя суть конкретной ситуации. Поэтому – именно в данное время – философия вещь крайне практическая. Тут говорилось, что государство нуждается в профессионалах. Но специалист, как известно, флюсу подобен. Узкий специалист, т. е. профессионал, это инструмент для решения однотипных, стандартных задач в строго ограниченной области. А вот нужны ли стране,

а точнее – лицам, стоящим у власти, люди мыслящие? Вся история свидетельствует: любое государство в думающих гражданах не нуждается. Пуще всякого бедствия чиновники боятся мыслящих. Не знающих, не эрудированных, хотя эрудиция никому пока не вредила, а именно мыслящих людей. Поэтому-то, думаю, неспроста режутся часы, отведенные программами вузов на гуманитарные дисциплины, и прежде всего на философию: не желает наше государство, чтобы всякий гражданин суть всех вещей для себя определял самостоятельно. Об этом тоже упоминали. По-моему, из всех выступлений можно взять что-то важное, как пчелке от цветка.

Но власть и общество – вещи неодинаковые. Для общества же в целом и отдельно взятого индивида глубоко нами уважаемая философия, понимаемая именно как искусство мыслить в той нестандартной, неясной, неочевидной, нетипичной ситуации, в которой мы все вечно оказываемся, быстро искать решения, уметь строить какие-то вероятностные качественные гипотезы, – несомненно, она нужна. Как мухе вылететь из мухоловки? Где найти человеку твердую опору, если все вокруг зыбко, все шатается? Такую опору он может найти только в себе. Вот чему я считаю необходимым учить своих студентов. Оговорюсь, что часто научить этому нельзя, а показать, как это делается, можно.

И наконец, по поводу истории философии, ставшей уже притчей во языцех у бюрократов из Министерства высшего образования. Когда они извещают о новом сокращении часов в программе курса, история философии всегда в числе первых кандидатов на убой. Мало ли, мол, чему учили древние греки или средневековые арабы, вон на дворе 3-е тысячелетие...

Я, как преподаватель, не согласна с такими мнениями.

Почему нужна в вузовском курсе философии история развития человеческой мысли? Главное – для того чтобы наши студенты, начав с нее курс, смогли втянуться в изучение философии. Не секрет, что, выйдя из школы, в большинстве своем они изъясняются примерно так: а я такой стою, а она всякая подошла, а он такой-сякой чего-то там разэдак. Объяснять людям с таким изначальным «уровнем культуры», как именно развивался процесс мышления, показать пути осмысления проблем и самоосмысления, прямо скажу, непросто. А вот если сперва показать им поиск сути на исторических примерах, тогда цель преподавателя выглядит уже не такой недостижимой.

Знаете, есть такая писательница Людмила Улицкая. Я ее не читала, но постараюсь прочесть. Почему? Она участвовала в телепередаче В. Познера. Когда он спросил ее, есть ли у нее враги, она заявила, что особых врагов у нее нет, но что такое абсолютное зло, она знает, это платонизм, то есть выдуманная Платоном теория отношений государства и человека, породившая и Гитлера, и Сталина. Я с ней согласна на 1000 %. Это действительно так, и когда мы со студентами разбираем Платона, об этом и говорим.

Возможно, что кто-то из студентов, впервые познакомившись с Сенекой или Гегелем, сможет что-то взять у них и для себя. Это именно та основа, понюхав и пощупав которую будущий специалист сможет начать выстраивать личную систему ценностей, собственную систему мировоззрения, свою опору в жизни. Сейчас в Аграрном университете исходя из таких мотивов творческий коллектив (я тоже вхожу в него) создает учебное пособие по исто-

рии философии в нескольких частях, первые уже увидели свет.

Помочь найти студентам такую опору – это сверхзадача преподавателя. В Медицинском университете, где я веду курс для студентов педиатрического факультета, это удастся. В Аграрном университете пока не получается.

Донских. Аграрный ближе к земле.

Антипов. А у всех медиков иконы, заметили?

Софиенко. Нет, иконы предпочитают бандиты. По моим наблюдениям, большинство студентов-медиков абсолютные атеисты. Но они прекрасно понимают то, что власть наша тяготеет к православию. Помню, однажды на тестировании среди прочих ответов к вопросу о религии в Средневековье был и такой: «мракобесие». Студент обмолвился: «Ну так и хочется поставить: мракобесие! Но ведь нельзя же».

Кажется очевидным: на то, чтобы родить человека, нужно времени меньше, чем на воспитание личности. Но, например, в Аграрном университете на философию для заочников отпущено 8 часов. Что я смогу рассказать, чему научить студентов за четыре лекции?

Штуден. На которые они еще и не ходят...

Софиенко. У меня все ходят. Раскрою страшную педагогическую тайну: студентам-заочникам за обязательное посещение всех лекций и семинаров я обещаю поставить «удовлетворительно». Поначалу они являются, как страдалцы, зевая и стелая. А потом...

У меня для них припасен особый предмет, который я условно называю «Занимательная философия». Задача этой «Занимательной философии» несколько шире целей обычной вузовской программы курса.

Я хочу помочь своим слушателям новыми глазами увидеть мир, в котором они живут, не с тех позиций, которые господствуют в окружающей их среде. Им, видимо, становится интересно, и честно признаюсь, вскоре они приходят уже бескорыстно, не за тройку в зачетке. Они ощущают, что приобретают нечто, очень нужное для себя. По-моему, уж если им все равно приходится являться на занятия, то успеть за эти часы показать людям какую-то личную перспективу, дать системное представление о мире, где есть место не только алчности и злобе, но существуют также благородство, правда, мечта, разум, если хотите. Помочь поверить в сказку – это дело правое, доброе. А то, что государство режет эту философию, как куренка, и стремится сделать ее непонятной и скучной, только подтверждает, что ему не нужны мыслящие люди. Это очевидно, если вдуматься в нормы федеральных образовательных стандартов. Вот этому мы и должны противостоять. Ведь кроме нас, по сути дела – хранителей мудрости, противостоять этому некому.

Нина Ильинична Макарова. Мне кажется, что методика преподавания философии требует особого подхода именно потому, что одна из основных задач курса заключается в развитии у студентов способности логического изложения содержания философских текстов и навыка участия в дискуссии. В этом отношении мне кажется, что особый упор падает на проведение семинаров, а это требует, в частности, подбора текстов, которые должны быть не слишком объемными, но вместе с тем должны представлять нечто законченное в отношении рассмотрения философской проблемы. Также нелегко найти золотую середину между теми целями и задачами, которые преподаватель хочет ре-

шить в процессе семинара, и тем достаточно свободным диалогом, который возникает в ходе обсуждения проблемы между участниками семинара.

Людмила Алексеевна Осьмук. Я хочу сказать, что, наверное, все-таки бороться за философию необходимо. В условиях компетентностного подхода, в условиях практико-ориентированного подхода, мне кажется, это такая вещь, что позволит нам сохранить академизм, который пытаются утопить. Поэтому я думаю, что это дело чести каждого из преподавателей каким-то образом хотя бы эту традицию оставить. Это первое.

Второе. Мне хотелось бы остановиться на том, кому мы читаем. Здесь много говорилось о том, что есть студенты, не знающие элементарного, имени Пушкина, а есть те, которые стремятся философию слушать. Мне кажется, что сейчас очевидно, что ценз прохождения в университет намного снизился, и мы, увы, встречаемся достаточно часто со студентами, которые не знают о том, кто такой Пушкин, не говоря уже о Вебере. Это конечно трагедия. Но есть и другие ребята, к счастью, на которых мы ориентируемся и которым философия необходима. Это абсолютно точно, потому, что это люди, а любому человеку мыслить о вещах, связанных с ценностями, со смыслами, необходимо. Это социальная потребность. Поэтому было бы правильно спросить самих студентов. Я как социолог считаю, что наши мнения здесь могут расходиться с мнениями студентов, поэтому неплохо было бы их спросить, чего они хотят. Надо признать, что мы до сих пор не сделали этого, мы сидим здесь и рассуждаем, основываясь на каком-то опыте, на каких-то встречах со студентами.

Кроме того, *кому* мы читаем, интересно *что* вообще читает. Кажется, что в философии, как ни в одной другой дисциплине, важна личность преподавателя. Если это марксист-ленинист закоренелый, то естественно студенты просто его не будут слушать. На лекции такого преподавателя современные студенты, которые оторваны от прошлого, не придут. Поэтому речь о том, что таких «мамонтов» осталось совсем немного. Все-таки мы уже почитали переведенную западную литературу, некий микс в голове у нас есть и мы пытаемся его перекладывать для наших студентов. Но мне бы хотелось сказать, что любое научное профессиональное сообщество характеризует, прежде всего, имена и школы. Вопрос, можем ли мы похвалиться, что в нашем современном философском сообществе есть крупные имена и крупные философские школы.

И наконец, *что* читать. Здесь очень много говорилось о том, что читать. Я хотела бы обратить внимание на одну вещь, которую здесь уже произнесли относительно текстов. Дело в том, что чтобы хорошо знать философию, да и любую гуманитарную дисциплину, необходимо читать тексты. Просто читать. А они же отвыкли сейчас читать. Они же больше у нас все-таки сейчас в компьютере, в социальных сетях. Даже элементарно – читать художественные тексты..., а когда речь идет о философских текстах, здесь возникает большой вопрос. Адаптировать тексты к их сегодняшним потребностям я считаю большой глупостью. А вот как их заинтересовать, как убедить в том, что это может быть интересно – большой вопрос, вопрос нашего с вами профессионализма.

Супрун. Как заинтересовать. Я, конечно, преподаю аспирантам, поэтому мне про-

ще в какой-то степени. Но, с другой стороны, сложнее, потому что такие слушатели более скептически. Те, кто приходят к вам и, как вы говорите, не знают ни Пушкина, ни Лермонтова, малограмотные какие-то, т. е. *tabula rasa* – чистая доска. А тут ребята, уже имеющие свой жанр в душе, и они знают, что через два-три года они уедут работать во Францию, Америку и т. д. Это сложнее. Но как их заинтересовать? А вот, например, Аристотель. Ставится тема, такая необсуждаемая в современном дискурсе, поэтому спрашивать, что их интересует, не надо. Я знаю, что их интересует, исходя из опыта. Я говорю: тема – «Воззрения на политику и мораль Аристотеля». И они пишут эссе «О счастье». Счастье интересует всех. И они с таким интересом читают Аристотеля и потом выдают мне совсем неслабые, полные собственных суждений эссе, очень неслабо. Сама по себе постановка таких общечеловеческих тем и проблем важна, как и классические тексты, например «Апология Сократа», которая входит в обязательный список всех западных университетов. Я говорю аспирантам-экономистам: во всех бизнес школах преподается «Апология Сократа». А вы хуже, что ли? И они начинают читать «Апологию», размышлять, дискутировать. Это трюки, методические приемы, но они позволяют заинтересовать слушателей. И в конце учебного процесса они у меня имеют конспекты примерно 20 источников. Это совсем немало.

Донских. Я несколько вещей хотел бы сказать. Первое: по поводу цели преподавания философии. Здесь у нас есть страшный разрыв между тем, что нам предлагает Министерство в качестве цели, и возможностями преподавателя философии. Так, Министерство предполагает формирование серии компетенций, совершенно безответ-

ственно составленных. С одной стороны, говорят о свободе в формировании программ, а с другой – этот дикий набор требуемых компетенций и еще проверка знаний тестами ФЕПО. Согласно этим тестам студенты должны знать (наряду с историей античной и западноевропейской философии) византийскую философию, направления современной философии и т. д. Вот, например, вопрос: «Назовите, кто из этих людей (список из четырех имен) не является членом Римского клуба?» Или: «Какая из этих религий не является мировой (список из четырех религий)?» Это вопросы тестов по философии, я могу таких привести не один десяток. На это бессмысленно даже натаскивать, потому что студенты все равно это знать не будут. И компетенции написаны в стандарте «от фонаря», и никому даже в голову не придет их формировать поэтому.

Второе: кто приходит в вуз. У меня есть простое наблюдение: понимание ценности философии возрастает по мере взросления. На первом курсе вообще безнадежно преподавать философию. И не нужно, и вредно, потому что может воспитаться лишь негатив. Более или менее к философии серьезно начинают относиться на 5-м курсе. А аспиранты начинают догадываться, что да, здесь есть что-то, что стоит слушать.

И теперь я возвращаюсь к цели преподавания и хотел бы подчеркнуть вот какой аспект: философия открыла то, что называется метафизикой. Она открыла, что за этой реальностью есть что-то другое. Парменид, потом Платон, Сократ – Платон. Она не просто сочинила. Еще Гераклит сказал, что скрытая гармония лучше явной. Это очень важный тезис. Было открыто, что не сводится мир к тем видимым

отношениям, которые мы можем зафиксировать. Философия, настоящая, может показать, что не сводится человеческая жизнь к набору примитивных материальных отношений. Вообще, очень смешная вещь произошла. Два самых популярных мыслителя XX века – это Маркс и Фрейд. То есть жизнь человеческая сводится к еде и к сексу. Но вопрос: исчерпывается человек этим или нет? Так вот, философия – единственная дисциплина, которая может показать, что человеческая жизнь этим не исчерпывается, она богаче. Ставится вопрос о душе, о ценностях и т. д. Во всяком случае, философия дает возможность хотя бы методом кошачьей лапки коснуться другого мира. Если философ эту функцию выполнил, цель его пребывания за кафедрой выполнена.

И далее. Философия, например, единственная дисциплина, которая учит формулировать вопросы в условиях неопределенности. Именно она очищает проблему до того, что она становится предметом науки. В этом и состоит переход от философии к методологии, когда выделяются отдельные дисциплины. Но для этого надо уметь увидеть проблему там, где ее никто не видит – как Сократ увидел проблему общих понятий. Гносеология это великолепно подтверждает. Но эти вещи как раз очень трудно преподаются и совершенно не воспринимаются на первых курсах.

И если нужно открыть окошко к метафизике, то встает вопрос: на каких примерах? Из своего опыта могу сказать, что это вопросы только современные, актуальные. Скажем, биоэтические, проблема места России в современном мире. Здесь есть база для обсуждения. Когда же мы говорим об истории философии со студентами, у них просто нет базы. Для того чтобы куда-

то двигаться, нужно устояться на какой-то площадке, а им не на чем стоять.

И сейчас, как у нас принято в заключение круглого стола, я хотел бы короткое заключительное слово от каждого.

Супрун. Я считаю, что сегодняшняя встреча – это как бы увертюра. Будет ли дальше симфония или нет, неизвестно. Хотя симфония могла бы называться «Роль и место философии» или «Философия в современном мире». Как показывает некоторое знание современных работ, выходящих на Западе и на Востоке, философская проблематика не умирает. По-прежнему появляются достаточно интересные работы. Но, к сожалению, в России, как сказал Георгий Александрович, с философами большая напряженность, нет носителей подлинного, аутентичного современному миру знания. Их нет или их очень мало. Спасибо главному редактору за то, что он организовал этот круглый стол. Я думаю, на каком-то уровне мы могли бы продолжить коммуникацию с теми, кто понимает эту важность философской проблематики. Важно избежать разговора слепого с глухим, как это иногда происходит даже на презентабельных конгрессах и симпозиумах. Хотелось бы надеяться, что редакция сделает некий реестр проблематики, которую можно будет потом обсудить в статьях и в контексте круглых столов, которые будут проводиться в будущем. Спасибо организаторам за приглашение.

Софиенко. Мне было интересно. Похоже, что все мы говорили разными словами об одном и том же, поэтому столько пересечений. Напоследок скажу, что философия, как учебный предмет, в самом деле трудна. Прежде всего, это отголосок тысячелетних дискуссий сотен мудрецов, а не набор формул для зубрежки. А во-вторых,

субъективное восприятие ее очень зависит от того, кто учит, кто говорит с кафедры. В этом уязвимость философии, но в этом же, возможно, и ее сила.

Осьмук. Я опять про профессиональное сообщество. Мне кажется, что что-то сдвигается с места и, раз мы здесь, как-то самоорганизуется. И, наверное, тогда есть будущее у философии.

Макарова. Во-первых, я хочу поблагодарить Георгия Александровича за инициативу проведения этого круглого стола и за прекрасный текст, который положил начало сегодняшнему обсуждению. Я также очень благодарна всем выступающим в том отношении, что у меня уже было сомнение в том, нужно ли стремиться ко всеохватывающему курсу. Государственный стандарт и тестирование нам, конечно, не пересилить, но тем не менее курс, мне представляется, должен быть авторским, отражающим специфику профессиональных интересов преподавателя. В этом отношении я присоединяюсь к мнению Василия Ивановича. Хочется заметить, что характерное для сегодняшнего дня стремление к тестированию, как одному из главных параметров оценки работы преподавателя и студентов, ставится под сомнение как у нас, так и за рубежом. Так, согласно последнему исследованию UCLES (Кембриджский университет) 87 % преподавателей сказали, что именно натаскивание на сдачу тестов явилось основным фактором, повлиявшим на слабую подготовку студентов к обучению в вузе.

Курленя. Давайте так поставим вопрос: вот, преподается философия в том или ином университете, тем или иным образом. Чему в итоге философы должны научить студентов? Василий Иванович совершенно прав, через два месяца после экзамена

студент, скорее всего, не будет помнить ни одного имени из курса истории философии, не сможет пересказать суть даже наиболее популярных -измов. Но ведь, не именам же мы учим и не -измам! Я думаю, что инженер или врач, биолог или математик, учитель или военный, выходя из университета, все равно не ставит себе целью стать профессиональным философом. Значит, философия должна быть для них не хлебом насущным, а способом упорядочения своей личной реальности. Вот этому нужно научить в первую очередь, да так, чтобы этот опыт остался с ними на всю жизнь. К сожалению, когда мы вынужденно читаем им некую философскую сказку, потому что они не понимают другого, мы выдаем им симулякр, а не истинное знание. И это не более чем симуляция нашей педагогической деятельности: одни делают вид, что учат, другие делают вид, будто учатся. Опять экзистенциальный абсурд, который давно и прочно стал частью нашей повседневной реальности.

Согласен также с тем, что есть истинное, заинтересованное и глубоко одухотворенное преподавание философии – это одно. А есть некая система компетенций и совершенно безумных тестов (взглянуть бы в глаза тому, кто это придумал) – это уже совершенно другое. Ощущение, что эти тесты писали какие-то мстительные троечники, не получившие должного образования в своих вузах и теперь стремящиеся лишь к одному, чтобы и все последующие поколения студентов не смогли превзойти их в знаниях. Беда лишь в том, что эти тесты и «знания», с их помощью проверяемые, не имеют никакого соприкосновения с реальностью. Так, надуманные проблемы образования признаются самими что ни на есть реальными, в то время как действительно

насуточные проблемы безоговорочно отвергаются или замалчиваются. Не могу не привести один трагический пример, когда интеллектуальная магия Витгенштейна не сработала и «муха из мухоловки не вылетела», потому что участники драмы ничего не подозревали ни о Людвиге Иосифе Иоганне Витгенштейне, ни о мухе, ни о мухоловке. Совсем недавно, кажется в ноябре позапрошлого года, под Новосибирском случилась трагедия. Успешный в целом студент одного из московских технических вузов от несчастной любви решил покончить с собой. Парень обладал богатым воображением, поэтому кинул чем-то в географическую карту и попал в кружочек с надписью «Каргат» – это небольшой районный центр в Новосибирской области на Транссибирской магистрали, куда и отправился поездом. Но, видимо, просто умереть одному где-то в глуши ему казалось слишком обыденным. Ему было необходимо, чтобы кто-то наблюдал за его мучениями и гибелью, пусть даже этому попутчику пришлось бы умереть вместе с героем специально спланированной и разыгранной драмы. Поэтому наш студент уговорил своего друга сопровождать его в своем последнем путешествии, видимо, скрывая свои истинные намерения, а также и то, что его «верному оруженосцу» отводится неблагоприятная роль свидетеля трагической кончины героя этой печальной и одновременно нелепой истории. Итак, они приехали в Каргат. Последний, кто видел их обоих живыми, был милиционер, который на перроне станции проверил у них документы. Поскольку законных оснований для задержания не было, друзья оказались предоставлены сами себе, но когда наш будущий самоубийца прямо со станции пошел не в населенный пункт Каргат, а целиной побрел в степь, его друг,

видимо, догадался об истинных намерениях. А это был конец ноября, уже снег лежал. Короче, когда в каком-то перелеске он, всеми покинутый, начал умирать, до него, наконец, дошло, что это не шутки. То есть в последние часы его жизни реальность смогла «достучаться» до сознания этого несчастного мальчика. И он начал предпринимать срочные меры к спасению. Вы думаете, что он сделал? В милицейских сводках были фрагменты его реплик с его любимого форума. Раз перед смертью он «висел» в сети, значит (и это подтвердили органы дознания), у него был полностью заряженный и к тому же очень продвинутый смартфон! Думаете, он в милицию позвонил? Координаты свои определил через спутниковую навигацию? Подчеркиваю, он это мог сделать, технически все это было возможно, самое главное – он это умел. Однако он не понимал главного, что это – самые реальные, самые эффективные, короткие и надежные пути к спасению. Но вместо этих простейших действий он пошел на форум спрашивать у таких же оторванных от реальности виртуальных друзей, как выжить в таких условиях! Почитали бы вы ответы, советы, так сказать, добрые, которые он от них получал! Понимаете, для этого человека, как и для его друзей-форумчан, реальность была катастрофически смещена. И это далеко не узкопсихиатрическая проблема, она именно экзистенциальная! Вот чтобы наши воспитанники в такие переделки не попадали, мы обязаны научить наших студентов, как решать экзистенциальные проблемы, чтобы «вылет мухи из мухоловки» мог бы состояться при любой психологической «погоде».

Штуден. У меня, к сожалению, довольно-таки пессимистический взгляд на эти вещи. Когда задумываешься: кто же и как же может выполнять задачу преподава-

ния философии так, как нам хотелось бы, – вспоминаются Лотман, Лосев, Бахтин, Мамардашвили... «Штучные» люди. Какой вуз мог бы похвастаться их наличием? Во-вторых, примерно половина преподающих философию, если даже не больше, – это люди, совсем недавно перешагнувшие возраст 30 лет. Ни мудрости, ни жизненно-го опыта. Они сами понятия не имеют, как «выбраться из мухоловки». И невольно их система преподавания сводится к некоему начетничеству. То есть какая-то программа, какой-то реестр того, что они должны объяснить, у них, конечно, есть, но разговора о смысле жизни и назначении человека, увы, не получается. Это на самом деле невероятно сложная задача.

Кузин. Мне кажется, что общим знаменателем могло бы быть следующее. Дисциплина философия включает в себя две части, которые можно определить как *изучение философии* и *философствование*. Для меня очевидно, что сегодня единственный реальный путь – это идти в основном по пути философствования, а изучение философии использовать в той минимальной степени, в какой нам позволяют временные ресурсы, уровень подготовленности наших студентов и те социокультурные возможности, которые у них есть. Мне кажется, все приведенные сегодня положительные примеры – будь то эссе на тему счастья из Аристотеля или будь то интересные дискуссии, которые разворачиваются на семинарах, – это именно об этом. Изменение вектора преподавания от философских знаний к философскому мышлению представляется закономерным, оправданным и даже желательным. В этом смысле философия (сегодня в ходе нашей дискуссии особо популярен Л. Витгенштейн) – не учение о чем бы то ни было, а философское понимание *любых* явлений,

событий, проблем. И в первую очередь проблем важных, жизненных – тех с которыми молодые люди сталкиваются в жизни. К ним несомненно относятся проблемы ценностей и смысла жизни. Но вполне возможно, что для кого-то жизненными, экзистенциальными могут быть и проблемы техники, науки, творчества и т. д.

Мне кажется, что философию в определенном смысле можно уподобить боевому искусству. Кому-то приходится применять свои боевые навыки часто, кому-то – редко. Но чтобы твое боевое мастерство один раз спасло тебе жизнь, нужно практиковать ежедневно.

Антипов. Я бы присоединился к последнему высказыванию и именно так определил бы смысл нашей работы. Надо учить студента философствовать. Правда, возникает вопрос: что значит философствовать? С моей точки зрения, это учить рефлексивному мышлению, рефлексии. Рефлексия вообще-то не дается от природы и не формируется таким же образом, как владение языком и элементарное рассудочное мышление. Нет. Это требует труда, и вся история философии показывает, насколько это сложно и трудно протекало для общества: нахождение способов, выработка способов философствования, т. е. рефлексии. Тот же Кант говорил, что философствовать можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума.

Я должен повиниться в одной ошибке, вернее – недостатке. Я, видимо, виноват. Я заранее не сформулировал тезис, что мы должны обсуждать философию для профанов, а не философию для философов. Тут Виктор Васильевич Крюков говорил, что есть академические институты, они не тем занимаются. Нет, они просто философию для философов пишут. Нормаль-

но. Демокрит спускался в пустой могильный склеп, чтоб не мешали философствовать. Кто-то этим должен заниматься. Ну, это как какая-нибудь высшая математика, она для инженеров – по фигу. Есть, там, какой-нибудь Перельман, его какие-то два человека понимают, остальные не смыслят. Остальные верят. Правда, к реальным институтам философии у нас это мало относится. Я имел в виду идеальный случай. Реальные институты философии, как и все другие академические институты, существуют у нас для обслуживания их директоров. Известное дело.

Хорошо, философия для профанов. И профанов надо учить философствовать. Значит, учить рефлексивному мышлению. А отсюда – предпоследний тезис. К тому, что философия – это самосознание культуры. И в этом ее единственный позитивный вклад в развитие человечества. Философия дает образцы решения аксиологических проблем. Она не может сказать: вот этому следуй, а показать, что вот так люди принимали такие образцы – приходили к этому; принимали другие – приходили к иному. А ты смотри и ищи свой путь в жизни.

И последнее, насчет марксизма-ленинизма. Я ведь не имел в виду вот этих мастодонтов, которые еще остались. Я имел в виду наследственность марксистско-ленинскую, которая конечно присутствует. Сами эти ФГОСы демонстрируют.

Донских. Там вопросов процентов тридцать – это диамат.

Антипов. Конечно! Наследственная болезнь марксизма-ленинизма присутствует. Я и себя, вообще-то, не исключаю из категории больных. Как вспомнишь о марксизме-ленинизме, так и вздрогнешь!

Штуден. Крохотное замечание, я все никак не мог его сделать. По поводу того,

что не стоит заниматься нам физикой и т. д. Но дело в том, что если, например, знать какие-то общие положения квантовой механики, знать, что именно рациональная наука обнаружила уже в начале XX века, что материя исчезает; что, собственно говоря, материализм – это *вера в материю*, ничего больше... Когда ученые обнаружили, что в микромире и глубже материи просто нет, а есть игра энергетических паттернов, и когда мир стал свидетелем того, что эти ученые стали приходить к религии – мне кажется, это весьма интересная для философов тема.

Донских. Недавно, читая работы по антропологии, я узнал забавную вещь. Умение разбивать орех у шимпанзе в принципе не может быть передано по наследству. Это очень сложная операция, которая требует культурных образцов. Философия – это один из величайших культурных образцов. То, что у нас сейчас происходит, вот эта деградация, означает, что все сдвигается на одну ступень ниже. Мы разучиваемся. Известны примеры народов, которые выродились, например тасманийцы, забыли все, что они умели делать до того, как Тасмания отделилась от Австралии. Произошло очень сильное вырождение, они перешли от верхнего палеолита к нижнему палеолиту. Вот реальная опасность, в которой мы существуем. Теряем культурный блок, который был накоплен и который требует постоянной тренировки в нем, просто уходит. Этот момент и определяет важность того, что мы сегодня обсуждали, не больше и не меньше.

**По традиции далее публикуем при-
сланные комментарии по теме дискуссии.**

Тем, кто участвовал в обсуждении заочно, были разосланы тезисы Г.А. Антипова.

Владислав Васильевич Чешев. Есть ли сегодня смысл в преподавании философии? При нынешней ситуации в стране и в сфере образования хочется сказать «нет», нет никакого смысла в преподавании философии. Но это скорее эмоциональная реакция, нежели рациональное суждение философа. Есть ряд аргументов в пользу того, что преподавание философии имеет смысл. Один из них в том, что преподавание философии может быть своеобразной терапией мышления студента в условиях, когда школа ведет «клиповое образование», ориентированное на разгадывание тестов, но не на системное освоение знаний. Преподавание философии может стать средством, способствующим системной организации мышления, тем более что философия может обращаться к материалу, имеющему связь с жизнью и тем привлекательному для студента. Разумеется, при условии, что преподаватель не будет начетчиком, вталкивающим студенту архивированное знание, архивированную историю философии, но будет вскрывать связь тех или иных философских представлений со своей эпохой, с ее поиском смысла жизни.

Сложность нынешней ситуации еще и в том, что обществом потерян путь, если пользоваться терминологией Конфуция, о котором упоминает Г. Антипов. Конфуций полагал, что в таких условиях философия умолкает. Мне же представляется совсем обратное. Философия должна помочь обществу обрести путь, а продвижение к такому обретению – не только академические статьи, но реальная работа с учениками. Вспомним, что философия начинала свою жизнь в виде философских школ, в которых осваивались высшие истины. Почему же философия в вузе не может ставить себе

задачу обращения к высшим смыслам, обучению думать о высших началах жизни? В конце концов, философия есть культурная рефлексия, которая в определенных границах может и должна совершаться в аудитории. Речь идет не о том, что преподаватель философии должен указать студенту, как правильно жить. Это едва ли возможно. Но можно сделать другое, именно показать те фундаментальные смыслы в человеческой истории, на которые опиралась и опирается историческая жизнь. Одновременно указать на те искажения смыслов, которые приобретают танталовый характер. Не зря же Конфуций требовал давать вещам правильные имена и повторять их везде, где можно. Конечно, философскому сообществу нужно определиться, что следует преподавать и как преподавать. Нынешняя общественная ситуация менее всего располагает к академичности (не путать с фундаментальностью и основательностью). Преподавание философии должно обрести актуальный характер прежде всего по той проблематике, которую нужно вносить в образовательный процесс. Человек и мир – главные темы философии. Осмысливать антропологическую проблематику в связи с проблематикой общественной, с основаниями жизни общества, которые несет культура – на это должно быть нацелено преподавание. Непременен отказ от пропаганды релятивизма в учебных курсах. Философия всегда была поиском истины, истины человеческого бытия, его непреложных основ. Не оправдывать симулякры, но бороться за смыслы, наполненные жизненным содержанием. Этот опыт есть в философии, и именно такой опыт должен быть вынесен в учебный процесс.

Многое нужно конкретизировать на этом пути, важнее всего вступить на него.

Но для этого само философское сообщество должно проснуться и почувствовать свою социальную и историческую ответственность. Однажды в одном интервью еще в 2010 году Ю.Н. Солонин (тогда еще декан философского факультета СПбГУ) довольно точно определил состояние нашей философии: «Нынешняя наша философия страшно несовременна. Не в том смысле, что она “не модернистична”, что в ней почти нет новинок, на которые стоит оглянуться всякому мыслителю, а в том, что современная жизнь не питает ее существо. Я пока не вижу в нашей философии потенциала к оригинальному метафизическому освоению этой современности. В ней есть что-то анахроничное, вторичное, скорее репродуктивное, чем продуктивное. Это давняя болезнь нашей интеллектуальной жизни: жить заимствованиями. Они же, как правило, запаздывают нередко на целую интеллектуальную эпоху. Я не сноб и не стремлюсь судить свысока, потому что все вышеперечисленное нахожу в себе. Мы завалены философско-книжной продукцией других стран, тратим основные силы на ее освоение и на производство тех реплик, на которые нас достанет».

Вне ответственного отношения к текущему моменту философское сообщество не способно выполнить свою задачу. Вне социальной ответственности теряет смысл сам образовательный процесс в гуманитарной сфере. И здесь есть еще одна опора для философов – проблематика, которую поднимала русская философия. То, что скрыто в разговорах о России, мы не найдем в сочинениях чужих авторов. Философия должна возглавить трудный путь возвращения к себе, и где, как не в живом процессе работы со слушателем, решать эту задачу. Так что преподавание философии име-

ет смысл, точнее сказать, должно обрести смысл.

Тамара Антоновна Рубанцова. В настоящее время университетская система образования России реформируется, постепенно от классической модели она переходит к прагматистской. Место философии как предмета в современном образовании достаточно противоречиво. С одной стороны, это традиция в университетской системе образования, которая ведет свое начало с античности. С другой стороны, сама наука философия стала сложным онтологическим, гносеологическим, социокультурным феноменом. В настоящее время в преподавании философии как предмета преподносится некий общий конгломерат теорий, подходов, взглядов различных авторов и типологий, чаще всего не вызывающий интереса у студентов. В университетском курсе не хватает времени на историю философии, то есть предпосылки, зарождение и формирование идей остаются за рамками учебной программы, философское знание преподносится как готовая истина. На фоне снижения общего уровня образованности в университете у студентов место философии выглядит весьма печально. Проблема упирается в кадровый состав кафедр. Как правило, это люди, которые преподавали марксизм, что они успешно до настоящего времени и делают, но с другой стороны, молодежь, которая приходит на смену старым кадрам, не всегда отвечает современным требованиям, их подход часто отличается поверхностностью.

Встает вопрос: какую философию необходимо преподавать студентам высших учебных заведений России? Видимо, философия для технических вузов должна отличаться от философии для вузов творческой направленности. Видимо, необхо-

димо корректировать содержание Госстандарта с учетом специфики университетов, разрабатывать в рамках предмета философии новые подходы к содержанию предмета. Например, на исторических факультетах читать курсы философии истории, экономических – философию экономики, то есть в курсах философии выявлять философские аспекты деятельности специалиста.

Михаил Юрьевич Немцев

Что я сказал бы коллегам-преподавателям философии, если бы мог

В конце концов, как же и могло быть иначе! Наука процветает нынче и кажется с виду чрезвычайно добросовестной, между тем как то, до чего постепенно принизилась вся новейшая философия, этот остаток философии наших дней, возбуждает недоверие и уныние, если не насмешку и сострадание.

Фридрих Ницше

«По ту сторону добра и зла»

Дамы и господа! Преподавание философии в университете – ответственнейшее дело! Философия – важнейший предмет всего высшего образования. И хотя его нужность и важность не очевидна столь многим, нужным и важным оно быть от этого не перестает. К тому же это еще и чрезвычайно интересно, и я сам чрезвычайно рад возможности заниматься этим во всех отношениях достойным делом.

Однако, дамы и господа, мне хочется высказать вам, ни к кому лично не обращаясь, три сожаления, точнее даже – три претензии к вам. Поскольку это ведь вы сами во многом ответственны за бедственное положение нашей дисциплины, нашей профессии. Ибо это положение *бедственно!* И пусть эта ответственность лишь моральная, но все же разговор о том, что будет и что должно

быть, нужно начинать *с того, что есть*. А что есть – есть мы, на кафедрах и факультетах, такие какие есть. И то, что «философия» для (подавляющего?) большинства студентов – лишняя трата времени, а для чиновников – лишние траты бюджета, это кроме чужого невежества еще и результат нашей плохой работы, дамы и господа.

Поскольку в академической среде принцип «как бы кого не обидеть» (оборотная сторона всегдашней готовности к групповой травле) есть первейший принцип академического письма, позволю себе некоторую речевую вольность. *Sapienti sat*.

Первое. Философия – предмет чрезвычайно сложный. Именно этим он интересен: едва ли какой-то другой предмет университетской программы столь универсален и так близко касается жизни всех без исключения студентов. Разве что физической культуре могу уподобить ее: это предмет столь же сложный для преподавания, столь же жизненно важный, столь же часто извращенно-мучительный для студентов.

Большинство преподавателей философии – вы, дамы и господа! – сами же ей несоизмеримы. Они далеко не столь сложны, как дисциплина «философия», они **содержательно неинтересны**. Философия в их занятиях случайность, она их не преобразила и на их лицах нет ни малейшего отблеска великого пламени; им нечего сказать «от себя» как философов, кроме повседневных банальностей, и потому они не могут говорить и от лица философии. Что у них есть предложить студентам, кроме программы?¹ Есть ли у них своя собственная философия? Нет, с грустью вынужден констатиро-

¹ О, повесть о генеалогии программ по философии – о всех эти напластованиях советского диамата, постсоветской «духовки», следов невразумительной борьбы с «постмодернизмом» и «глобализмом» будет печальнейшей на свете...

вать я. Большинство преподавателей философии не имеют никакой собственной философии, не нуждаются в ней и не имеют к ней вкуса, а потому под видом философии предлагают набор неких *всегда произвольно* подобранных знаний, предлагаемых для разучивания, запоминания и воспроизведения. Знания эти могут привлечь тех немногих, кто любит учиться, узнавать новое, немногих людей с развитым когнитивным инстинктом, но почему все остальные должны это учить, запоминать и т. д.? Есть ли у вас рациональные ответы? Я понимаю, что вам, коллеги, вверена власть принуждения, и вы ею пользуетесь, но можете ли вы показать на себе: зачем нужна вся эта так называемая «любовь к мудрости»?

Я очень далек от мысли, что философию должен преподавать философ; нет, *профессиональная философия и преподавание философии – это две разные профессии*. И прекрасный тренер может не быть спортсменом. Думаю, что достоинство преподавателя – в достойной *репрезентации* своей дисциплины. Какой я ее представитель? Вот вопрос, на который нужно ответить себе. Боюсь, что большинство из вас даже не подозревают о том, что прежде чем говорить о преподавании философии вообще, надо бы сосредоточиться на своем собственном месте в этом преподавании и посредством преподавания в философии. Так грустно, обернувшись, увидеть пустоту, да?!

Дело еще и в том, что – это **второе**, и это серьезнее – вы **несовременны**. Большинство из вас не имеет философского интереса к происходящему вокруг. Как потребители новостей (телезрители, читатели новостных сайтов) вы ничем не отличаетесь от прочих сограждан. Что вы – как философы – думаете о событиях последнего времени? Что вы – как филосо-

фы – можете сказать о последних новостях? И можете ли? Я уважаю тех, кто может сказать – как светлой памяти Е. К. ответил коллеге на вопрос о новом президенте России (в 1999 году. Тогда как раз случилось *translatio imperii*) – «Я ничего об это не знаю, я переводил Фому Аквинского»; но Е. К. и преподавал средневековую философию – но все ли могут удержаться в рамках своей узкой отрешенной дисциплины (смиренно не претендуя при этом на влияние, но лишь – хотя и это недосягаемо высоко – на максимальный профессионализм)? Но как уважать тех, кто, выйдя из университета, сейчас же *забывает мышление*, к которому был вроде бы причастен в аудитории, и становится сейчас же банальным «человеком с улицы»? Несовременны же вы потому, что не видите в происходящем вокруг вас проблем: ни жизнь людей, ни жизнь природы не занимает вас, *вам не интересно о них думать*. Великие мыслители прошлого, на которых вы ссылаетесь в лекциях, всматривались в происходящее вокруг; в повседневности, в ее событиях проступало для них, если угодно, Бытие, Сущее и т. д. вы же многие уже давно забыли, что это такое – философствовать о том, что есть. Это значит – о том, что есть сейчас. Так, за новый закон с коллегами потрындеть. И как вы будете рассказывать о *проблемах*? О ценностях? О *чьих* проблемах и ценностях вы рассказываете? Проблем для вас, дамы и господа, нет. А потому и ответов больше, чем вопросов. Поэтому среди вас столько догматиков: вы привыкли пожизненно воспроизводить выученное еще в аспирантуре и думаете, что в этом-то и состоит преподавание «любви к мудрости». А вкус к исследованию, желание ставить и решать проблемы у вас выключены. За ненужностью.

И теперь – **третье**: это отсутствие серьезного философского интереса к современности проявляется в **отсутствии** какой-либо этической (не говоря уж о политической) **позиции**. Большинство преподавателей философии демонстрируют более или менее самоуглубленную апатию. Я соглашусь, что это – естественное, т. е. объективное проявление выключенности из истории (в данном случае – истории мысли). Ничем в этом смысле не выделяясь из университетско-академической массы, преподаватели философии являются политическими конформистами, в профессиональной жизни склонными к разнообразным сделкам за мизерную прибыль и к стайно-клановому поведению. Не буду углубляться в изумительную антропологию академической жизни, ибо стремлюсь не к обличению, а всего лишь к констатации: *apoliticalный пассивный конформист может преподавать только пассивность* (порождающую конформизм). *Это его (ее) практическая философия*. Потому «ваши» курсы по социальной философии до сих пор – помесь системного подхода со структурным функционализмом – сочетание учения о человеке как машине по удовлетворению собственных потребностей и этики «каждому свое». Эта корпоративная философия русских чиновников так органично совмещается с вашим самоощущением людей, как-то выживающих в сложных общественных условиях... Но это – все, что вы можете предложить студентам? Это скучно. Чтобы как-то выживать, устраниваться и пристраиваться, дисциплина философия не нужна. И вы, преподавая это, объективно преподаете собственную (как представителей этой дисциплины) ненужность.

– А сам-то – скажет мне коллега, – сам-то ты такой? «Не такой!» – самоуверенно ска-

жу я, и важнее меня то, что мои друзья и учителя, преподающие то же самое в разных вузах, не такие; поэтому я видел и знаю, что философия и обучение ей *могут* быть захватывающим приключением, а сам философ *может* являть собой пример как минимум интересного человека, отстаивающего приоритет мышления над невежеством.

Я знаю про «две с половиной ставки» и что они могут сделать с человеком. Ну и что? **Вас (повторю) с вашей внутренней пустотой, несовременностью и скучным конформизмом можно только вот так вот эксплуатировать** ради заполнения штатного расписания, точно по словам Пушкина: «Зачем стадам дары свободы? Их должно резать или стричь». Но вы боитесь даже произнести слово «эксплуатация», чтобы вас не заподозрили в каком-нибудь «марксизме».

Дмитрий Владимирович Винник Семь аргументов о пользе преподавания философии

1. Философский «тренинг» позволяет избежать не критического отношения к языку своей предметной области, абсолютизации ее теоретического содержания. Мышление каждого специалиста в той или иной степени экранировано от мира в его многообразии своей предметной областью; если же она носит фундаментальный характер (как, например, физика), возникает естественный соблазн смотреть через призму ее концептуальных структур на все остальное. Иными словами, изучение философии дает возможность не оказаться в плену редукционизма.

2. С одной стороны, знание философской аргументации и философских концепций поддерживает светское, секулярное мировоззрение. *С другой стороны, философия*

удовлетворяет то, что можно назвать «естественными метафизическими потребностями»: желанием иметь хоть какие-то ответы на животрепещущие «детские» вопросы: «Из чего все?», «В чем смысл жизни?», «Есть ли жизнь после смерти?» и т. п. В этом смысле философия заменяет религию, является формой «светской идеологии», по выражению Александра Зиновьева.

3. Язык философии состоит из таких общих для всех наук понятий, как объекты, свойства, отношения, действия, количество, качество и т. п. Эти понятия не являются специфически научными, однако в разных предметных областях наделяются своим конкретным содержанием, становясь терминами. *Задача философии – препятствовать «узурпации» этих понятий, таким образом поддерживая язык межнаучного общения и единство науки как вида деятельности.* Мы имеем много примеров того, как разные дисциплины (физика, психология, экономика, культурология, синергетика) пытались и до сих пор пытаются узурпировать философский дискурс, навязывая обществу обсуждение философских проблем исключительно на своем языке. Нельзя сказать, что язык философии – это язык междисциплинарного общения, скорее – это некий буферный язык.

4. Если не преподавание философии само по себе, то *философский факультет нужен в любом классическом университете как «отстойник» или резервация «сумасшедших ученых»* – ученых, способных усомниться в самых фундаментальных постулатах или аксиомах тех или иных дисциплин и поставить крайне неприятные теоретические вопросы, ставящие под сомнение целые теории и виды научной деятельности. Если аргументы разумны, а их автор неуместен, поскольку вырывает коврик из под ног, долж-

но быть место, куда его можно было бы послать под предлогом: «Ваши вопросы выходят за пределы нашей науки и являются философскими». Этим местом и являются философские факультеты, где дают приют академическим диссидентам и смутьянам умов. Здесь находят свой конец или свое призвание многие дерзкие и отчаянные умы.

5. Философия способна избавить от бытовой «метафизической интоксикации», свойственной многим молодым людям. Знакомство с десятками самых разнообразных концепций способно повергнуть в ужас в результате осознания условности и относительности любого концептуального каркаса. Этот ужас перед метафизикой большинство должны пронести с собой всю свою жизнь, чтобы не впадать в излишнюю для общества созерцательность и рефлексивность. Впрочем, у некоторых знакомство с философией только усугубит эту интоксикацию, одни падут жертвой этого страшного предмета и десоциализируются, другие – станут философами. Но это – неизбежная плата за подавление в обществе метафизического дискурса.

6. Преподавание философии укрепляет власть или, по крайней мере, влияние философов в обществе, как одной из самых просвещенных категорий граждан. Если допустить, что власть философов – штука полезная, то и преподавание философии оказывается полезным занятием. Во влиянии философов явно нет ничего плохого, есть обоснованное мнение, что это даже *полезно для демократии.* Демократия же, как известно, полезна для общего блага. Философы ничем не хуже других категорий граждан, а иногда даже лучше некоторых. Граница между властью и влиянием нечеткая, поэтому нет ничего плохого в том, чтобы

захватить больше интеллектуального внимания и даже больше влиять на принятие решений в государстве. Для этого следует учить философии.

7. Можно привести и консервативный, слабый аргумент: «Философии следует учить, поскольку не вполне понятно, что случится, если перестать это делать». Есть мнение, что философия не нужна как общеобразовательный предмет в вузе и от нее можно избавиться. Есть основания полагать, что это заблуждения – как изложенные выше, так и исторические. Кроме того, в истории нашей страны уже есть печальный пример того, что случилось в результате отказа от преподавания логики как общеобразовательного предмета. Результаты этого мы наблюдаем поныне на многочисленных примерах вопиющего бюрократического абсурда и неспособности российскими чиновниками ясно, избыточно и непротиворечиво писать нормативные документы. Есть старая точка зрения, что философия является смутительницей умов и затрудняет управление гражданами со стороны государства. Однако, мало кто задумывается, как философия *облегчает управление гражданами*, контролируя их сознание, снимая социальное напряжение и агрессию с помощью рефлексии и отрешения. Предлагаю максимум-пугалку для чиновников: «Упраздните курс философии – получите терроризм и революцию».

Наталья Мартэновна Сидорова

Уважаемые коллеги, я читаю философию больше 30 лет, все время работаю на кафедре философии естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, то есть преподаю на непрофильных для философа факультетах. Понятно, что я застала и расцвет застоя, и отказ от монополии

марксизма-ленинизма, и современную неопределенность в отношении читаемых курсов и сокращения аудиторной нагрузки. Но мне не кажется, что обсуждать предложенную тему надо в ключе старения преподавательского корпуса или смены господствующей идеологии. Если философия и ее преподавание пережили такие радикальные смены культурных эпох, как переход от Античности к Средневековью, от схоластики к философии науки, от моноцентризма классики к пролиферации школ и идей современной философии, то наше положение не выглядит чем-то из ряда вон выходящим.

И тем не менее оно печально. Печально потому, что современное высшее образование утратило то понимание философии, которое, собственно, и заставляло вводить ее в программы всех классических университетов мира благодаря или вопреки требованиям момента. Это понимание того, что философия – не лучшая или худшая среди конкретных наук, она – нечто другое, поскольку представляет собой **следующий уровень рефлексии**, то есть мышление о мышлении, понимание понимания, оценку ценностей... Это зеркало, в которое смотрятся все без исключения формы общественного сознания (если использовать привычный многим термин): наука, политика, искусство и т. д. ... И в которое необходимо посмотреться всем без исключения мыслящим существам, если они претендуют на диплом о высшем образовании. К сожалению, практика ЕГЭ привела в тупик: большинство школьников не могут установить смысловые связи того, что они должны выучить, с собственным представлением о себе и о смысле своей жизни. А набор лишенных экзистенциального смысла частностей рассыпается сразу после сданных экзаменов. И когда такие

дети приходят в вуз, им нечем «зацепиться» за философию. Они по инерции пытаются что-то выучить и сдать, ответить «правильно», не догадываясь, что в этом философском пространстве одновременно правы и неправы все, и главное, что должно получиться в итоге, – это не наклеенный на лоб Платона ярлык идеалиста, а новая культура мышления – мышления, богатого нюансами, гибкого, сомневающегося, но плодотворного. То есть итогом должны стать они сами, изменившиеся и научившиеся по-другому мыслить. Воспитывать это можно по-разному, у каждого преподавателя свои любимые философские персонажи и примеры, темы и рекомендованная для прочтения литература. И в этом плане можно учить мыслить и рефлексировать даже с помощью Маркса, по крайней мере, с помощью контрапункта «Гегель – Маркс», «Маркс – Вебер», «Маркс – Франкфуртская школа», или «марксизм – экзистенциализм». И наоборот, можно убить мысль посредством самых новомодных подходов и приемов.

Учить можно по-разному, но, чтобы философия оставалась философией, необходим некоторый «джентльменский набор», минимальная эрудиция, чтобы не тратить «шагреновую кожу» курса (на некоторых факультетах МГУ от годичного общего курса философии осталась ровно половина!) на повторение азов из курса истории. Но и это уже невозможно, на некоторых естественных факультетах студенты имеют настолько смутное пред-

ставление о периодизации гражданской истории, что на ликбез все равно приходится выделять время. Это – Сцилла, которая глотает драгоценные лекционные часы. А Харибда вульгарного, несистематизированного, примитивного мышления выплевывает студенческие перлы. Наши дети не имеют привычки строго употреблять понятия, не умеют держать нить рассуждения, поскольку привыкли к визуализации, к картинке и к упрощению как способу решения всех проблем. Им непонятно, зачем надо ставить под вопрос то, на что давно дан ответ, с чем согласно большинство. А ведь философия упорно делает именно это: спрашивает о том, что все давно знают, и выявляет бездонность проблемы и самонадеянную примитивность ответов.

Я не вижу другого выхода из этого тупика, кроме рассказа о том, что тебе самому очень интересно, что кажется жизненно важным. Личная заинтересованность преподавателя поможет включить в лекции современный дискуссионный материал, ощущение важности может передаваться студенту, который почувствует, что для лектора это не просто отбытие номера, а серьезный разговор о фундаментальных ценностях и смысле. Утешимся старой максимой «Делай, что должен, и пусть будет, что будет». В конце концов те, кто исполняет классическую музыку, вряд ли находятся в лучшем положении в нашей стремительно дичающей стране.